

Красницкий Александр Иванович

**За приподнятой завесой.
Фантастповесть о делах
будущего XX век**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович К.**
За приподнятой завесой. Фантастповесть о делах будущего XX век / Красниц-
кий Александр Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 252 с.

ISBN 978-5-519-90902-0

ISBN 978-5-519-90902-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗА
ПРИПОДНЯТОЮ ЗАВѢСОЙ.

(въ 2000 году).

*И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Пусть оспѣнитъ Христовъ алтарь!
Пади предъ нимъ о, царь Россіи,
И встань какъ Всеславянскій Царь.*

Ө. И. Тютчевъ.

За приподнятою завѣсой.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

О

ДѢЛАХЪ БУДУЩАГО.

...И своды древніе Софій
Въ возобновленной Византіи
Пусть осѣнитъ Христовъ алтарь!
Пади предъ нимъ о, царь Россіи,
И встань, какъ Всеславянскій Царь...
Ө. И. Тютчевъ.

I.

Наканунѣ великихъ событій.

Все то, что будетъ разсказано здѣсь, происходило въ Европѣ въ исходѣ XX столѣтія...

Въ тотъ моментъ, когда начинается это повѣствованіе, по странной, хотя и вполнѣ объяснимой, случайности, все на земномъ шарѣ оставалось въ томъ-же видѣ и положеніи, въ какихъ мірѣ застали послѣдніе дни тревожнаго XIX столѣтія. Карта земного шара не подверглась ни малѣйшей передѣлкѣ, не смотря даже на то, что истекло почти цѣлое столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ вся Европа стала подъ ружье, какъ повсюду запахло пороховымъ дымомъ, и съ минуты на минуту можно было ожидать ужаснаго мірового взрыва, повлекшаго-бы за собой неисчислимыя бѣдствія для всего человѣчества—бѣдствія войны...

Да, какъ это ни странно, а почти въ цѣлое столѣтіе на европейскомъ континентѣ, за самымъ ничтожнымъ, исключеніемъ не произошло ни одной капли братской крови, ни одна мать не рыдала по сынѣ, нашедшемъ смерть на полѣ битвы, ни одна еще сирота не проклинала бога войны... Какъ будто духъ Царя-Миротворца носился надъ вооруженными, готовыми каждый мигъ на отчаянную борьбу народами, умиротворялъ ихъ страсти и отвращалъ отъ нихъ постоянно грозившіе имъ ужасы кровопролитія.

Словомъ, все было въ Европѣ по прежнему.

По прежнему каждую минуту грозилъ міру огнемъ и мечемъ туманный Альбіонъ, цѣпляясь между тѣмъ подъ шумокъ совершавшихся событій за каждый клочекъ, за каждую пядь остававшейся еще свободной земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ британскій левъ по прежнему трусливо поджималъ хвостъ, лишь только кто-нибудь догадывался по энергичнѣе цыкнуть на него. Но дома у себя онъ шумѣлъ, гремѣлъ, грозилъ всѣмъ и каждому и въ тоже самое время дрожалъ за каждую тучку, появлявшуюся на политическомъ горизонтѣ.

Такъ-же, какъ и прежде, что было силы, старалась поскорѣе вырасти и выйти изъ политическихъ пеленокъ, объединившаяся за вѣкъ съ четвертью до начала разсказа Германія, но, увы! это никакъ не удавалось ей, все равно, какъ никогда еще мыльному пузырю не удавалось стать не только что аэростатомъ, но даже и резиновымъ воздушнымъ шаромъ, которымъ такъ охотно играютъ дѣти... Слишкомъ не важенъ былъ цементъ, которымъ когда-то скрѣпилъ было Германію теперь давно уже покоившійся въ могилѣ «честный маклеръ»; слишкомъ много было примѣшано къ этому цементу братской крови, чтобы въ такой сравнительно съ жизнью народовъ незначительный періодъ времени, какъ столѣтіе съ четвертью, затянулись кровавыя раны на народномъ организмѣ и слишкомъ много язвъ въ немъ вызвали собой

эти раны. Бебели, Зингеры и прочие имъ подобные «пѣвцы» конца XX вѣка также тянули свои пѣсни, какъ и ихъ предшественники въ XIX столѣтіи. Пѣсни ихъ жадно слушали, но счастье народное, общее довольство, по прежнему, были далеки отъ объединенной Германіи, все еще утопавшей во омутѣхъ милитаризма.

Спитая на скорую руку изъ самыхъ разнообразныхъ кусочковъ Австро-Венгрія также жила прежней жизнью, постоянно дрожа за свое существованіе и поддерживая его только тѣмъ давленіемъ, давленіемъ ужаснымъ, недостойнымъ человѣчества, которое испытывали входившіе въ составъ имперіи Габсбурговъ народы и племена, въ особенности славянскіе.

Все также умиралъ и никакъ не могъ умереть „больной человѣкъ“ на Босфорѣ. Возбужденіе, вызванное на мигъ ничтожной побѣдой надъ жалкимъ сосѣдомъ прошло давнымъ давно. Снова тянулась бесполезная агонія. „Больного человѣка“ искусственно поддерживали, но давнымъ давно было извѣстно, что это искусственное существованіе при первой самой непредвидѣнной случайности приведетъ болящаго въ много-много лѣтъ имъ ожидаемому, да, пожалуй, и желаемому имъ самимъ концу, который одинъ только являлся исходомъ изъ совсѣмъ ненормальнаго положенія. Но пока конецъ этотъ все еще не наступалъ. «Блистательная Порта» по прежнему официально числилась квартирующей на берегахъ Босфора, и державы все еще не рѣшились попросить ее „честью“ объ очисткѣ насильно занятаго ею помѣщенія.

А между тѣмъ внутри ея шли прежнія волновавшія не только ее самое, но и всю Европу раздоры и смуты. Армения все еще мечтала о своей независимости и, подстрекаемая бриттами, то и дѣло устраивала заговоры, мятежи, бунты, не приводившіе рѣшительно ни къ чему, потому что европейскія державы не желали самостоятельной Арменіи, прекрасно понимая, что одно только

появленіе ее на картѣ Малой Азіи поведетъ за собой взрывъ, который долженъ имѣть своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ общеевропейскую войну. Такимъ образомъ армянскіе комитеты совершенно напрасно волновали своихъ соотечественниковъ. Изъ ихъ подпольной работы рѣшительно ничего не выходило, и армянскіе шевалы разбивались одинъ за другимъ о непоколебимую твердость Европы. Но кромѣ армянъ точили зубы на босфорскаго больного человѣка еще и греки. У нихъ все еще не прошла боль послѣ маленькой потасовки, которую задалъ имъ въ энергіи агоніи этотъ умирающій. Греки мечтали о реваншѣ, но изъ ихъ мечтаній выходило тоже, что и изъ армянскихъ стремленій—то есть круглый нуль въ результатѣ.

Стоить-ли говорить о томъ, что, не смотря на цѣлое столѣтіе, Италія все еще никакъ не могла оправиться отъ бѣдствій, явившихся для нея послѣдствіемъ политики сенъора Криспи. Она по прежнему изображала изъ себя лягушку, задумавшую сравняться въ дородствѣ съ воломъ и, хотя это, конечно, не удавалось, но она все не отступала отъ своей безумной затѣи и надрывала всѣ свои силы, стараясь пыжиться и дуться безъ всякаго для себя, впрочемъ, толку.

Таково было въ общихъ краткихъ чертахъ положеніе четырехъ этихъ „великихъ“ державъ европейскаго континента и „больнаго человѣка“ на Босфорѣ.

Но кромѣ Великобританіи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи были еще двѣ державы, о которыхъ не приходилось говорить ничего такого, что было сказано выше относительно ихъ сосѣдей.

Эти державы, державы, безспорно, великія, были Франція и Россія.

Сильная своимъ союзомъ съ великимъ сѣвернымъ колоссомъ Франція, съ каждымъ годомъ протекавшаго XX столѣтія все росла, укрѣплялась и возвеличивалась, ста-

новясь при этомъ на такую высоту, какая была никогда недостижима для всѣхъ четырехъ вмѣстѣ взятыхъ ея со-
сѣдокъ. Это была не дутая высота, а настоящее народное
величіе. Мало по малу затихли внутри Франціи раздоры
парцій. Монархисты братались съ республиканцами,
оппортунисты, радикалы и даже социалисты слились
воедино, такъ какъ французы, наконецъ, поняли, что
если они даютъ власть людямъ, которые такъ или иначе
заслужили ихъ довѣріе, то должно вмѣстѣ съ этимъ пре-
доставить этимъ людямъ возможность провести въ жизнь
ихъ благія начинанія. Прямыхъ результатомъ этого было
появленіе во французскомъ парламентѣ разумной оппо-
зиціи, не преслѣдовавшей узкихъ партійныхъ цѣлей, а
стремившейся только къ всестороннему обсужденію го-
сударственныхъ дѣлъ и разумно указывавшей на оборот-
ную сторону того или другого законопроекта, незамѣтную
для его создателей. При такомъ положеніи дѣла мини-
стерства Франціи за этотъ періодъ времени не падали,
какъ прежде, съ головокружительной быстротой, а, напро-
тивъ того, оставаясь болѣе продолжительное время у кор-
мила правленія, успѣвали довести до конца многія
благодѣтельные реформы, надолго упрочивавшія во Фран-
ціи миръ, тишину и спокойствіе.

Благодаря этому торговля Франціи процвѣтала. Казна
государства увеличилась до такихъ размѣровъ, о кото-
рыхъ и мечтать не смѣли даже самые смѣлые француз-
скіе экономисты конца XIX вѣка. При такихъ средствахъ
государство не только что не чувствовало особой тяжести,
содержа огромные армію и флотъ, но даже получило воз-
можность само приходить на помощь бѣднякамъ, оказы-
вать имъ поддержку не однимъ только словомъ но и дѣ-
ломъ. Когда-то ужасающая бѣдность въ Парижѣ и раз-
ныхъ уголкахъ Франціи, въ силу этого быстро смѣнилась,
если и не всеобщимъ достаткомъ, то всетаки относительною
обеспеченностью для многого множества бѣдняковъ, а

вмѣстѣ съ этимъ порядкомъ порядѣла масса пролетаріата; капиталъ жилъ въ полномъ согласіи и дружбѣ съ трудомъ; рабочій вопросъ болѣе не принималъ острой формы; стачки и забастовки отошли въ область преданій; исчезли вмѣстѣ съ этимъ слѣды анархизма, потому что французскимъ рабочимъ не приходилось искать отъ добра добра.

Не такъ уже остра была въ сердцахъ французовъ и память объ утраченныхъ провинціяхъ. Эльзась и Лотарингія все еще входили въ составъ имперіи Гогенцолерновъ, но время прекрасно излечиваетъ всякія внѣшнія раны, даже и народнаго организма. Только такіе раны заживаютъ однѣ—десятками, другія—сотнями, а третьи тысячами лѣтъ. Раны Франціи принадлежали ко второму разряду и хотя мысль о реваншѣ не совсѣмъ еще погасла въ умахъ ея сыновъ, но боль, вызываемая ею, значительно ослабѣла не вызывая прежняго жгучаго озлобленія въ пылкихъ французскихъ сердцахъ.

И всему этому благоденствію и покою Франція была обязана своему прочному вполнѣ окрѣпшему союзу съ Россіей, объявленному еще въ предыдущемъ столѣтіи...

А та, могучая, славная, непредѣльная, по прежнему раскинулась на необъятныхъ пространствахъ Европы и Азіи и по прежнему солнце никогда не заходило въ ея предѣлахъ. Крѣпкая единой, ни съ кѣмъ не дѣлимой властью своихъ монарховъ, крѣпкая своимъ могучимъ русскимъ духомъ, способнымъ горами vorочать, крѣпкая привязанностью всѣхъ своихъ сыновей къ престолу и отечеству, грозная своимъ могуществомъ на страхъ врагамъ и славная на счастье своихъ обитателей, Россія по прежнему неизменно твердо занимала свое первое мѣсто въ Европѣ.

Тихій покой и полное народное довольство царили въ предѣлахъ нашей родины «отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая». Народъ мало по малу вполнѣ

равномѣрно расселился по лону своей родимой матери-кормилицы. Каждому землепашцу нашелся кусокъ хорошаго чернозема. Всѣ въ потѣ лица трудились, и земледѣліе процвѣтало. О неурожаяхъ не было ни слуху ни духу. Экспортъ зерна русскаго въ послѣдніе годы превысилъ собою даже импортъ Соединенныхъ Штатовъ, у которыхъ съ каждымъ годомъ становилось все меньше и меньше рынковъ въ Европѣ для сбыта ихъ пшеницы, вытѣсняемой отовсюду русской. Съ этой стороны русскіе были вполне обеспечены, но, кромѣ того, они взялись сами около этого времени за умъ. Они поняли, наконецъ, къ своему великому счастью, что по всей ихъ родинѣ густымъ слоемъ, выражаясь образно, разсыпано золото, и надобно только дать себѣ трудъ нагнуться, чтобы подобрать его съ земли и положить въ карманъ. Послѣдствіемъ этого было вотъ что. Вся Россія покрылась густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Повсюду раскинулись фабрики и заводы, эксплуатировавшіе неисчислимыя богатства страны. И все это были русскія предпріятія: русскіе люди ихъ основывали, русскіе люди на нихъ трудились, русскіе люди сбывали ихъ произведенія, и на русской землѣ ничего не было слышно объ иностранныхъ предпріятіяхъ... Россія обходилась внутри себя всѣмъ своимъ, не брала у иностранцевъ рѣшительно ничего, а, напротивъ того, продавала имъ громадныя богатства, сбывая за границу весь излишекъ своего труда. Словомъ, знаменитое изрѣченіе: „Россія—для русскихъ“ стало не пустою фразою, а оправдалось на самомъ дѣлѣ.

И всѣмъ этимъ Россія была обязана тому, что еще въ царствованіе Императора Николая Милостивца бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія значительно превысилъ собою огромные бюджеты военнаго и морскаго министерства. Вся Россія покрылась школами и школами особаго типа. Не было въ нашей родинѣ самаго захолуст-

наго поселка, въ которомъ не было-бы школы, но не той, гдѣ учать одной только, часто ни къ чему непригодной „книжной премудрости“, а такой, гдѣ крестьянскому ребенку давали свѣдѣнія, необходимыя для него въ его дальнѣйшей жизни. Это были особаго типа практическія школы, въ которыхъ учили крестьянскихъ ребятишекъ не одной только грамотѣ и счету, но и агрономіи, и пчеловодству, и птицеводству, и садоводству и вообще давали понятіе обо всемъ, что могло явиться подспорьемъ въ крестьянскомъ быту сельскому хозяину. Вооруженные запасомъ практическихъ свѣдѣній крестьянскіе парни, какъ только вступали въ качествѣ хозяевъ на самостоятельную дорогу, не замедляли приложить ихъ къ дѣлу, и новая система крестьянскаго образованія быстро дала блестящіе результаты. Прежде всего уменьшилось до minimum'a народное пьянство, потому что крестьяне сами поняли весь вредъ его. Кабатчики одинъ за другимъ закрывали свои вертепы, не находя для себя выгоднымъ спавать крестьянъ, являвшихся уже не темною массою, а, напротивъ того, просвѣщенными яркимъ свѣтомъ пракческаго знанія людьми... Быстро выросла народная воля, самосознаніе. Каждый зналъ свои права и обязанности, каждый уважалъ въ другомъ самого себя и въ результатѣ явилось уменьшеніе преступленій. Если и проливалась иногда кровь на русской землѣ, то не хищническіе инстинкты были тутъ причиною, а взрывъ оскорбленнаго самолюбія или вообще страстей, съ которыми человѣкъ никогда не въ силахъ бороться. Хищники, впрочемъ, все еще водились, но это было уже наслѣдство прежнихъ временъ. Судамъ всетаки стало гораздо меньше дѣла, потому что съ увеличеніемъ народнаго благосостоянія уменьшилась ненасытная жажда наживы и замѣнилась довольствомъ тѣмъ, что имѣлъ каждый. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Россія также преуспѣла во